

Ольга Ечевская
НАРУЧНЫЕ ЧАСЫ: ВРЕМЯ И СОЦИАЛЬНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОСЛЕ МОДЕРНА

*Можно не знать, в каком доме вы живете
и на каком авто ездите, но часы на руке видят все,
кому нужно понять, сколько вы стоите.
И неважно, где, у кого и за сколько вы их купили.*

<http://www.watch.ru>

Дискуссии о современном состоянии российского общества и направлениях его изменений затрагивают самые разные фрагменты и события социальной реальности. В контексте данной статьи наиболее интересными представляются размышления о возрастающей роли потребления в структурировании социальной жизни вообще, и в организации культурного (и) коммуникационного пространства в особенности. Современное российское потребление, имеющее особую историю, непростое прошлое и связанные с этим специфические черты, встраивается в глобальное культурное пространство, становится частью мирового рынка, и приобретает черты того, что в социологической литературе принято называть «обществом потребления» [Бодрийяр 2006].

В самом общем и упрощенном виде категория «общество потребления» описывает такое общество, в котором «принцип потребления» становится основным принципом организации и структурирования социальных отношений и процессов. Потребление становится знакомым процессом, в котором функциональное уступает место символическому, а «разрушительные» процессы «уничтожения» приобретенных товаров превращаются в «созидательную» деятельность, основной идеей которой становится конструирования социальной идентичности: «экономика общества потребления опирается на новый тип личности. Ее ключевая характеристика — склонность к потреблению как способу конструирования своей идентичности» [Ильин 2005]. Таким образом, потребление символически значимых товаров становится одним из ключевых измерений культурного пространства и в современной России.

Вместе с тем все события социальной реальности и любые культурные изменения имеют место в определенном пространстве и в определенное время. Иными словами, все, что с нами происходит, имеет как пространственную, так и временную локализацию: происходит в определенном месте, в определенное время и характеризуется определенной длительностью. Соответственно, при описании соци-

альных и культурных изменений важно принимать во внимание не только пространство (Россия, западный мир, глобальное мировое пространство), но и время. Причем, говоря о времени, важно учитывать не только исторический контекст или длительность происходящих событий, но и представления о времени как таковые: временные структуры социальной реальности, а также конвенциональные способы измерения времени в определенном социально-историческом контексте. Являясь социальным конструктом, время оказывает обратное воздействие на дела человека, на коллективные практики, придавая им определенную направленность. Время реализуется культурно, следовательно, и исторически: различные общества живут в разных временах, измеряемых разными способами [Штомпка 2005]. В современном обществе время делится на годы и месяцы, недели и дни, часы, минуты и секунды, а ход времени измеряется в основном при помощи календарей и часов.

В обозначенном контексте наручные часы являются удивительно подходящим материалом для анализа современного российского потребления. В качестве технического средства часы воплощают как уровень технологического развития общества, так и временные структуры, лежащие основе «протекания» этого развития. Как основное «мерило» времени, часы отражают современные нашему обществу представления о последовательности событий, а также о способах измерения их длительности и логике встраивания событий в общий социально-исторический контекст [Сунягин 1987].

В то же время, являясь предметом потребления, часы могут рассматриваться как любой другой товар, имеющий в современном «обществе потребления» не столько функциональное, сколько символическое значение. Всегда видимые в публичном пространстве и всегда сопровождающие человека в его повседневной жизни, наручные часы могут символизировать целый спектр социально значимых характеристик, от вкуса и состоятельности до обобщенного социального статуса и успешности их владельца, тем самым участвуя как в организации повседневной жизни, так и в конструировании идентичности их владельца.

Благодаря совмещению перечисленных качеств, наручные часы, их форма, назначение и социальные функции становятся отличной метафорой, фиксирующей ключевые характеристики пространства потребления в разных типах обществ. Покажем это подробнее на примере трансформации технических, социальных и потребительских свойств часов в традиционных, современных и современных развитых обществах.

**Часы как техническое средство:
органическое, механическое, технологическое устройство**

Первые часы были изобретены вовсе не потому, что в обществе существовала потребность в том, чтобы измерять или определять время.

Самые ранние формы часов — часы-свеча или песочные часы — вообще не измеряли времени, а отмеряли некоторый его фрагмент в режиме «обратного отсчета»: свеча сгорала, песок высыпался, и это означало окончание чего-то, продолжающегося недолго и скоро заканчивающегося.

Исторически первыми приборами для прямого отсчета времени были солнечные часы, затем во втором тысячелетии до нашей эры появились водяные часы [Советский энциклопедический словарь 1981: 1495]. Первые часы были изобретены тогда, когда в них не было большой необходимости; кроме того, водные или солнечные часы были чувствительными к погодным циклам, давали «приблизительные» показания и имели небольшую практическую ценность. Впрочем, практической ценности от них и не требовалось: жизненный уклад аграрных обществ был основан на природных циклах, и не было потребности в изобретении «искусственных» способов измерения «естественных» ритмов [Суныгин 1987].

Первые механические часы появляются в городах с зарождающимся «промышленным» жизненным укладом. Часовые механизмы громоздки, немногочисленны, применяются преимущественно на центральных площадях крупных городов и являются действительно произведениями искусства, требующими кропотливой, многолетней работы мастера над созданием каждого экземпляра. Но сам принцип работы механических часов — хорошая аналогия новой формы социальной организации, подчиненной уже не природным органическим циклам, а механическому ритму промышленного производства. В отличие от аграрного общества, в промышленном городе жизнь строится вокруг подлежащего регулированию *искусственного* трудового процесса, и в такой ситуации очень быстро складывается серьезная и устойчивая потребность в часах как механическом средстве структурирования такого трудового процесса. «Подобно тому, как становление письменности дает нам предметную картину становления логического мышления, совершенствование и распространение часов дает нам общую картину становления столь обычного для современного человека чувства времени» [Там же].

После изобретения в конце XIX в. первых карманных часов (т.н. «Нюрнбергское яйцо» Питера Хенлейка [Часы > 2006]), механические приборы для измерения времени «передали время в руки каждого отдельного субъекта»: часы становятся потенциально доступными для приобретения в частную собственность и повседневного ношения, а управление временем очень быстро превращается в насущную потребность. И быстро развивающаяся часовая отрасль начинает работать на более эффективное удовлетворение этой потребности.

По мере развития городов и освоения новых навыков в часах также появляются новшества. Первым значимым, но «простым» нововведением становится изобретение в 1680 г. секундной стрелки, а уже через сто с небольшим лет, в 1783 г., Абрахам Луи Бреге начинает работу над самыми известными своими часами «Queen Marie

Antoinette*». Эти часы были снабжены множеством функций, о которых часовые мастера совсем недавнего прошлого едва ли могли подумать. Часы имели автоподзавод, минутный репетиер, вечный календарь, независимый секундомер, «уравнение времени», термометр и индикатор запаса хода [Там же].

По мере роста дифференциации и специализации функций в индустриальном обществе процесс специализации захватывает и часовую отрасль: техника начинает обслуживать не человека «вообще», а индивида, выполняющего определенную значимую функцию. Первым шагом в стремительно растущей специализации отрасли стало первое производство часов для нужд армии, начатое фирмой Girard-Perregaux 1880 г. Затем в 1904 г. Cartier выпускает часы для летчиков, в 1914 г. Eterna представляет часы с функцией будильника, в 1931 г. Jaeger-LeCoultre производит первые часы «Reverso» для игроков в поло, в противоударном корпусе и с возможностью поворачивать корпус лицевой и тыльной стороной [Там же].

В современном обществе, уровень развития технологий в котором высок, а культурные потребности крайне разнообразны, «функциональное» разнообразие часов огромно. Часы, годные к ношению, бывают карманными и наручными, мужскими и женскими, деловыми и спортивными, детскими и подростковыми, противоударными и водонепроницаемыми. Особый класс составляют часы специального назначения: для врачей, для подводного спорта, для людей, работающих в условиях повышенных магнитных полей. Появляется большой интерес к наручным часам, снабженным календарем, хронографом, звуковым сигналом и т.д. Для тех, кто много путешествует, созданы часы с несколькими циферблатами, одновременно показывающие время в разных городах и часовых поясах, дату, время, давление и много что еще (подробнее см.: [Пипуныров 1982; Суныгин 1987]).

В современном обществе часы превращаются из простого механизма измерения времени в карманный прибор, каждую секунду снимающий основные показатели с жизненно важных фрагментов социальной реальности. Это уже не механизмы, нацеленные на обеспечение эффективного выполнения функций профессиональными группами, а технологии, ориентированные на облегчение жизни человека во всех ее проявлениях, не только помощники, но и спутники человека, как в публичном, так и в приватном пространстве.

Важным витком в развитии часовых технологий стало изобретение и распространение в начале 1970-х годов электронных часов с цифровой индикацией. По забавному совпадению, примерно то же самое время всерьез заговорили о пришествии постмодерна как нового «общественного состояния» на фоне осмысления событий 1968-го г., студенческих волнений, подъема новых политических сил, общественных движений, фрагментации социальной реальности, растущей неопределенности «фундамента» нового социального устройства и появления новых идентичностей [Холл 2000; Бовоне 2000].

И вновь изменение общественного состояния сопровождается из-

менением формы часов: электронный экран, на котором цифры сменяют друг друга, уже не напоминает о механическом дроблении дня на часы, а часов — на минуты и секунды. Часы отмеряют 24 часа, а затем начинают отсчет заново, с нуля, или, точнее, с нескольких нулей, обозначающих новый отсчет секунд, минут и часов.

Часы и время:

история представлений о времени и их социальных последствий

Временное измерение социальной реальности присутствует во всем, что происходит с людьми, и это касается как масштабных социальных процессов и исторических событий, так и повседневной жизни каждого человека. Иными словами, все события социальной реальности локализованы не только в пространстве (в российском или мировом контексте, в городе или в деревне, в центре или на периферии, и так далее), но и во времени: любое событие когда-то начинается, продолжается некоторое время, и в определенной точке заканчивается.

С одной стороны, в повседневной жизни, как правило, временные структуры социальной реальности не проблематизируются: часы идут, непрерывно отсчитывая время, а мы живем и встраиваемся в социальную жизнь, посматривая на часы и синхронизируясь с общим для всех временным ритмом. С другой стороны, знания о прошлом и настоящем, а также прогнозы и представления о будущем строятся исходя из временных параметров социальной реальности, и в этом смысле время необходимо проблематизировать, поскольку в нем отражаются фундаментальные законы организации социальной реальности.

Известно, например, что мифологическое время, характерное для первобытных обществ, есть образное осмысление событий, охотничье — номадического образа жизни, при котором мир в его архетипах дан изначально, и эти архетипы должны быть лишь всякий раз заново реализованы, восстановлены в своей полной аутентичности [Сунягин 1987]. Поскольку социальная жизнь в таких обществах сводится к воспроизводству и восстановлению «изначально данного состояния», то любое изменение является для такого общества опасным. «Первобытное состояние не знает не только становления, но и просто поступательного движения во времени, вернее, всеми силами его преодолевает... движение обнаруживает себя лишь в виде отдельных импульсивных скачков, за пределами которых все отрезки времени погружаются в хаос "времени вечных сновидений" и по существу оказываются тождественными друг другу» [Там же]. Метафорой такого уклада жизни могут быть, например, песочные часы: они не отсчитывают ход времени, а пригождаются только для того, чтобы отмерить небольшой «временной отрезок», являющийся, в описанном смысле, скорее «скачком движения», имеющим очень немного общего со временем в современном понимании.

Возникновение органического времени, характерного для аграрных, традиционных и большинства раннесредневековых обществ, яв-

ляется принципиально иным и характеризует совершенно другую логику организации общества. Солнечные часы — подходящая метафора для такого жизненного уклада. Время становится непрерывным в рамках аграрного цикла, круг времени замыкается, и организация общественной жизни становится основанной на природных, органических циклах: «на смену единовременным актам присвоения готовых, изначально данных благ природы приходит процесс регулирования созидающих циклов органического роста» [Там же]. Таким образом, можно утверждать, что время в понимании, близком к современному, появляется уже в традиционном обществе, когда приобретает ключевые характеристики, подобными которым не было прежде: непрерывность и длительность.

Однако это еще не совсем то время, к которому мы привыкли: оно еще не обладает свойствами универсальности и необратимости, которые появляются позднее, в связи с фундаментальными изменениями в логике общественного устройства. Отсутствие этих качеств объясняет странную для современного человека ситуацию, которая была вполне типичной для событий тех времен: относительно многих событий доподлинно известно, в какой месяц, день и даже час они произошли, но неясно, в каком году это было [Le Goff, цит. по: Сунягин 1987]. Для сознания жителя аграрного общества и соответствующего ему времени важно не то, в каком из циклов произошло то или иное событие (ведь все органические циклы практически одинаковы), а к какому сезонному сегменту цикла оно относится; с каждым аграрным циклом время как будто начинает течь заново.

Возникновение первых механических часов, в одной из версий, связывается с появлением и распространением промышленного труда, «механизацией» социального устройства и проникновением механизмов в быт жителей растущих городов [Пипуныров 1982; Сунягин 1987]. Время «выпрямляется», превращаясь из замкнутого цикла в устремленную вперед стрелу, а городская жизнь обретает «независимость» от природы и ориентируется на прогрессивное развитие и движение вперед по механически, искусственно структурированному порядку.

Время теперь имеет свой собственный ход, способность совладать с которым становится предметом индивидуальной ответственности, а умение «идти с **НАМ** в ногу» — почетным социальным навыком. Иными словами, механические часы позволили обществу выйти из природных циклов, из органического времени. Они дали возможность человеку подчинить время не природным ритмам, а ритмам собственной деятельности; это, в свою очередь, позволило осознать его необратимость [Пипуныров 1982].

В индустриальных обществах время превращается в ресурс, нехватка которого становится «бедствием», препятствием на пути прогрессивного развития общества и субъекта. Точность часов становится не только «вежливостью королей», но и гарантом эффективного выполнения социально значимой функции и успешности на пути про-

грессивного развития Субъекта в условиях нового социального порядка. Время едино для всех и необратимо в своем течении; следовательно, использовать его необходимо с максимальной эффективностью и регистрировать с предельной точностью. Описанная растущая специализация функций часов способствует растущей эффективности отдельных «участков» социального и производственного процесса.

А как же обстоит дело с представлением времени в современных развитых обществах? Есть основания предполагать, что после «разрыва с природой» и перехода на механическое время имела место еще одна трансформация представлений о времени. В современном обществе время вновь коренным образом меняется, и метафора секундной стрелки уже не вполне подходит для понимания временной организации развитых капиталистических обществ (наиболее ярко это иллюстрируется жизнью современных мегаполисов).

Растущая специализация и стремительное развитие технологий приводит к небывалому ускорению темпов социальной жизни и размывает традиционные структуры «модерного» социального порядка. Гибкие графики работы, домашние офисы, Интернет и сетевые профессиональные организации — вот лишь некоторые феномены современного общества, которые невозможно описать традиционными разделениями городов и государств, профессий и должностей, рабочего и свободного времени, частного и публичного пространств, «главных» и «второстепенных» занятий. Организация жизни оказывается в поле индивидуального выбора, а жизненная траектория уже не представляет собой непрерывной линии с логичной последовательностью шагов (карьерных, семейных или каких-либо еще). Соответственно, единая для всех стрела времени уже не имеет очевидной и универсальной упорядочивающей способности. Можно предположить, что «современное время» утрачивает ключевые для предыдущего состояния характеристики: необратимость и непрерывность.

Во-первых, время в современных обществах становится «неравномерным». Самый простой пример — пространственная неравномерность времени в рамках одного государства, региона или даже области. На необъятных российских просторах можно обнаружить одновременное существование очень разных хроноструктур: в деревенских поселениях жизненный уклад остается аграрным, в большинстве городов — промышленным, жизнь в разных типах поселения течет в разном темпе и организована на разных принципах.

Во-вторых, в современных мегаполисах время становится дискретным, как будто содержащим несколько значимых точек, расстояние между любой парой из которых может быть преодолено множеством способов и в любом порядке, и в таком контексте избранная жизненная траектория — не неизбежность, и время не проходит бесследно. Вчерашний провал может обернуться сегодняшним преимуществом, случайность способна коренным образом изменить даже самую продуманную логику, а жить в любой момент можно начать заново, «бросив» неудачно избранный жизненный путь (примеров тому масса, от

дальних переездов или резких карьерных поворотов до пробных браков или пластических операций). Единое для всех время, безусловно, нигде не исчезает — оно остается в расписании общественного транспорта, графике работы общественных учреждений, и т.д. Но в последнее время есть возможность освободиться и от этого; пока альтернативы «секундной стрелке» доступны немногим, но и механические часы поначалу не были широко доступными.

Что же происходит с часами и их функциями в связи с подобными социальными трансформациями последних десятилетий XX и начала XXI века? Наряду с ростом разнообразия формы и специализации функций часов произошли и некоторые фундаментальные изменения не только в предназначении часов, но и в механизмах, приводящих их в действие. О предназначении уже немного говорилось: часы теперь совмещают множество функций и становятся спутником жизни, товарищем и помощником в любом месте и при любом занятии: «рыбаки ловят рыбу на побережье моря — фирмы предлагают часы, показывающие время приливов и отливов, и не только ближайших, но и следующих шести. Аквалангисты надевают на руку часы со шкалой, по которой видно, сколько можно пробыть на данной глубине, сколько потом уйдет на подъем и декомпрессию» [Демидов 1998].

Но самым важным для идеи данного текста изменением является отказ от стрелок и механизмов при производстве часов и переход на цифровые технологии. Речь не идет о полном отказе от механизмов, но крайне важной является принципиальная возможность такого отказа.

«Новые часы не светятся сами. Они рисуют цифры, потому что кругом светло. Цифры составлены из миниатюрных тоненьких палочек, которые то отражают свет, то поглощают, подчиняясь командам пересчетной схемы. Внутри палочек — жидкий кристалл, вещество, счастливо сочетающее в себе свойства жидкости и кристалла. Его молекулы под действием тока выстраиваются правильными рядами и пропускают мимо себя свет. Ток исчез — молекулы хаотически разбрелись, свет от них уже не отражается... И что самое главное — эти "лампочки" никогда не перегорят: перегорать нечему! Фирма "Гамилтон", выпустившая такие часы под маркой "Пульсар", утверждает, что они способны работать без ремонта 800 лет» [Там же].

Еще более удивительно, что часы, достигшие фантастической точности, умеющие настолько многое и действительно доступные (в простых исполнениях) каждому в современном обществе, становятся вещью необязательной. Большинство повседневных технологичных приборов, сопровождающих жителя современного мегаполиса, снабжены встроенными часами и планировщиками: мобильные телефоны, компьютеры, автомобили и даже турникеты в метро. Но часы продолжают пользоваться популярностью, и растет популярность эксклюзивных, уникальных, не всегда «обоснованно» дорогих моделей, и по вполне понятной причине: часы продолжают быть «свидетельством» и в определенном смысле гарантом социальной успешности, но дело здесь уже не только и не столько в их точности. «При желании от ручных часов

можно было бы отказаться уже сейчас. Их функциональное назначение снижается. Тем не менее их продолжают носить. Ведь часы — это **еще** и некий аксессуар, знак самоидентификации» [Поташникова 2003].

В современном обществе часы становятся не только и не столько мерилем времени, сколько знаком отличия, свидетельством состоятельности или маркером определенного жизненного стиля. Наряду с изменением во времени меняются и часы, и чем более дискретным и неоднозначным становится время, тем дальше удаляются и часы от своей некогда однозначной измерительной функции.

Часы как предмет потребления

Изначально «не функциональные», но достигшие по мере развития пределов практичности и точности, современные часы парадоксально совмещают в себе как «очевидную функциональность», так и предельную оторванность фактически выполняемых функций от «непосредственных». То, как и почему это становится возможным и как это работает, иллюстрирует пример третьего ключевого свойства часов, названного в начале статьи: часы являются предметом потребления.

Помимо логики технической реализации, а также точности и функциональности, часы имеют денежную оценку и следующую из нее символическую значимость. В целом часы как предмет потребления имеют почти полутора вековую историю, которая может быть описана в ставшей уже привычной логике превращения из функции в символ [Бодрийяр 1999; Джеймисон 2000; Ильин 2005; Приепа 2000]. Так, в индустриальных обществах второй половины XIX — начала XX в. часы становятся символом денежного могущества и к концу XX в. постепенно превращаются в знак жизненного стиля и «блок» для построения социальной идентичности, наделенный культурными смыслами и символическими значениями.

Итак, часы становятся элементом жизненного стиля; в этой связи функция определения времени может оказаться для часов второстепенной. Поскольку наручные часы как таковые становятся предметом «необязательным», то едва ли не единственным способом для фирм-производителей удержать интерес к своей продукции является развитие дополнительных функций, с ориентиром на стилевые предпочтения потенциальных потребителей. Например, одна из самых популярных молодежных марок «Swatch», продажи которой, по сравнению с показателями предыдущего рода, снизились на 12 %, недавно выпустила новые часы с MP3-плеером! А часы для прекрасной половины человечества теперь делают «под украшения»: в основном разнообразные браслеты или подвески, в которые вмонтированы оригинальные циферблаты» [Поташникова 2003].

Хасы являются символом не только статуса, достатка или материального могущества, но и средством массовой информации: в любой момент люди могут считать по часам любую информацию об их владельце, хочет он того или нет. И это не означает того, что все люди с

неизбежностью будут это делать, но означает другое, не менее важное следствие: это в любой момент может произойти, и в последнее время это все сложнее игнорировать.

Приведем в качестве примера исследование журнала «Newsweek», в котором марки и модели часов российских политиков и бизнесменов определяются и оцениваются по фотоснимкам [Старинные часы... 2005].

Часы на руке видны почти при любом неосторожном движении и являются, по мнению авторов исследования, почти единственным открытым показателем стандартов «люкс-потребления», в то время как дома и яхты зачастую оказываются скрытыми от посторонних глаз. Анализируя фотографии российских политиков и бизнесменов в СМИ, авторы без труда построили рейтинг десяти самых дорогих наручных часов, варьирующихся по стоимости от 6—9 тыс. дол. (Bivgari Diagono Олега Дерипаски) до 60 тыс. дол. (Patek Philippe Владимира Путина) [Там же].

Тем не менее, стоимость хоть и важное, но не всегда ключевое «считываемое» символическое значение, которое могут иметь часы; более того, стоимость часов не обязательно пропорциональна доходу их обладателя. Для сравнения, часы президента США Джорджа Буша Timex Indiglo стоят всего немногим более 50 дол. (но имеют личную гравировку), а замеченные на руке бывшего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони часы Constantin Vacheron — 540 тыс. дол. [Там же]. Кроме информации о доходах, часы сообщают о позиции на социальной лестнице, о вкусе, культурной компетентности или профессии их обладателя, а иногда могут ввести в заблуждение, особенно если это подарок. То, часы являются важным источником информации о человеке в публичном пространстве, в современном обществе не вызывает сомнений.

Наконец, часы становятся аксессуаром, под который подбирается все, от костюма до настроения, и выбор которого зависит от множества факторов, не имеющих прямого отношения к «непосредственной» функции часов. Например, для представителей определенных групп (прежде всего, обеспеченных жителей мегаполисов, но не исключительно для них) привычно иметь несколько часов, надевая разные модели по разным поводам, а в категории элитных часов также есть своя стилевая дифференциация, порой довольно резкая. Приведем показательную цитату: «На встречу к "новым русским" я поеду в бронированном "Мерседесе", надев часы Montega... невероятное сочетание золота и резины, вес около 500 грамм, а браслет напоминает патронташ. ... Такие часы являются своеобразным паролем для новых русских. ... Для встреч с олигархами я обычно выбираю наручные часы Breguet с цепочкой и ключом. Они очень элегантные, элитные, интеллектуальные. Часы от Alain Silberstein хороши для встреч с экстравагантными звездами» [Поташникова 2003].

Соответственно, в определенных сегментах современных обществ капиталистического типа и на высоких уровнях социальной иерархии часы практически перестают быть «мерилом времени», являясь

прежде всего показателем статуса, свидетельством социальной успешности и культурной компетентности и неотъемлемым элементом стиля, «работая» на неповторимую, создаваемую и воссоздаваемую идентичность своего владельца по-разному в различных культурных контекстах.

Вместо заключения

Обобщение развиваемых в тексте идей и доведение их до логического предела приводит к выводу о том, что современному жителю большого города, как некогда и жителям традиционных обществ, часы как средство определения времени перестают быть нужными. Это, безусловно, не означает «возврата» к органическому единству с природой, но, без сомнения, является симптомом нового фундаментального изменения хроноструктур, организующих социальную жизнь современного нам общества. Время утрачивает ключевые некогда свойства непрерывности, универсальности и необратимости, и эти ключевые трансформации отчетливо видны на примере трансформации формы, технологии часов и их социальной значимости.

С одной стороны, необходимость следить за временем никуда в современных обществах не исчезает. С другой стороны, время становится дискретным, и пропадает потребность в часах как таковых: многие технические приборы, использование которых является неотъемлемым элементом городской повседневности, имеют встроенные часы. Часами оснащена почти вся бытовая техника, автомобили, а сигналы точного времени передают по радио и показывают на электронных носителях по всему городу. Кроме прочего, некоторые электронные приборы (компьютер, мобильный телефон), содержат не только встроенные часы, но и систему календарей и организаторов, позволяющих не только определять время, но и планировать наперед и «перекраивать планы» в любой момент. Встроенные «планировщики» выгодно отличаются от даже самых точных часов тем, что способны не только напоминать о течении времени, за которым следует поспевать, но и строить свое расписание относительно независимо от «универсального хода времени», «заглядывать в будущее» и заново структурировать прошлое.

На фоне фундаментальных трансформаций, которые произошли в культурном пространстве современных городов и представлениях о течении времени, прошлые хроноструктуры продолжают существовать, не вступая пока в противоречие с новыми структурами. Если городские богатые «живут по новому времени», то для городских бедняков время имеет преимущественно сезонный характер. В деревнях все еще можно встретить неработающие настенные часы, которые висят годами как семейная реликвия, и никто не стремится починить их, поскольку время определяется самим укладом деревенской жизни.

Большинство же россиян пока имеют одни часы, как правило, механические, со стрелками, предпочитая выбирать недорогие и надеж-

ные модели, которые будут служить долго [Старинные часы... 2005]. Так что «старинные часы еще идут». И мы идем вместе с ними.

Бовоне Л. К проблеме постмодерна: тенденции развития общества и социология // Контексты современности — II: Хрестоматия. Казань, 2000.

Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999.

Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М., 2006.

Демидов В. Часы для всех и для каждого // Демидов В. Время, хранимое как драгоценность. Электронная версия книги. НИТ. Раритетные издания. 2008.

Джонсон Ф. Постмодернизм и общество потребления // Логос. 2000. № 4.

Ильин В. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2.

Советский энциклопедический словарь. М., 1981.

Сунягин Г. Промышленный труд и культура возрождения. ЛГУ, 1987.

Пишуньров В. История часов с древнейших времен до наших дней. М., 1982.

Поташникова О. Часы еще идут. И мы идем вместе с ними // Со-общение. 2003. № 6.

Приепа А. Производство теории потребления // Логос. 2005. № 4.

Старинные часы еще идут // Русский Newsweek. 2005. 14 февраля.

Холл С. Проблема культурной идентичности и децентрация субъекта // Контексты современности — I: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории: Хрестоматия. Казань, 2000.

Часы. С давних времен и до наших дней // Онлайн. Доступ к документу: <http://www.clockwork.ru/razvitie.php> 8 декабря 2006 г.

Штомпка П. Время в обществе // Социология. М., 2005.